

ЯНА ЛЕХЧИНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л53

Художественное оформление *Марины Козинаки*

Л53 **Лехчина, Яна.**

Год Змея : роман / Яна Лехчина. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-107064-9

Говорят, в Княжьих горах обитает чудовище — человек, превращенный в дракона тысячу лет назад. Сармат хитер и жаден, его чертоги полны сокровищ и пленных, каждый из которых не доживет до следующего года. Каменная орда под предводительством его брата, грозного Ярхо-предателя, совершает набеги и вызывает трепет у людей от южных низин до льдов севера.

Вооруженный отряд везет Сармату откуп: богатства и драконью невесту, слепую Рацлаву. И у девушки нет ни красоты, ни особенного дара — лишь свирель, которая режет ее руки. Горные хребты, заснеженные пустоши, разбойники и колдуньи-оборотни — этот путь будет длинным...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107064-9

© Яна Лехчина, 2017
© М. Козинаки, дизайн обложки, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается моим родителям

ПРОЛОГ

Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Николай Гумилев

Когда гремит гром, я думаю, что это мой брат Рагне скачет на юг, чтобы сложить голову в битве против Сармата-дракона. Копыта его коня топчут дикие травы, а из горнила боевого рога льется страшный рев. За его спиной — тысячи копий, но нет копья, способного пробить драконью чешую.

Когда падает снег, мне кажется, что это юный Ингол, тот из нас, кто умер первым, идет по горным перевалам. Он бос, но не чувствует холода. Он простирает к нам руки и просит нас оставить эту войну, ведь все мы — братья.

А когда с гор сходит каменная лавина, я думаю, что это я. Раз за разом предаю единственного, кто мог одолеть Сармату, и преклоняю колени перед чудовищем.

Говорят, твоя свирель издает волшебные чистые звуки и заставляет людей повиноваться своему зову. Так играй. Каменное сердце не дрогнет, но, если я смогу забыть своих братьев хотя бы на мгновение, я буду счастлив.

ПЕСНЯ
ПЕРЕВАЛА
I

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
— Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, —
Царевать тебе — под заборами!
Целовать тебе, внучка, — ворона.

Марина Цветаева

Они покидали Черногород на рассвете. Узкие облака на-
ходили друг на друга, напоминая дорожное перепутье — или
светло-серую паутину тумана, расплзшуюся по всему не-
бесному куполу. Птицы летали низко, прорезая крыльями
стылое утреннее марево, а солнце казалось блюдом из по-
темневшей бронзы. Было хмуро и холодно. Дурной знак.
Тогда Орkki Лис впервые заявил, что от этого похода добра
не будет, и его, конечно, никто не послушал.

Уезжали на трех крытых телегах. В первой лежали при-
пасы для людей, идущих к Матерь-горе. Во второй была
дань, а в третью посадили драконью невесту и купленную
для нее старуху-рабыню. Девушку вывели из Божьего тере-
ма, с головы до пят закутанную в бледно-лиловое покрыва-
ло, — Орkki и видел только полную фигуру да белые руки,
за которые ее вели две женщины. Провожатые пели и сыпа-
ли под ноги драконьей невесте крупу из плетеных корзин,
и от их глубоких, звенящих голосов Орkki зябко поежился.

— Ветер с северо-востока, — объяснил он, перехватив
взгляд Тойву, предводителя похода. И поправил ворот ме-
хового плаща. — Морозно.

Тойву кивнул. И, прочертив воздух загрузевшей ладо-
нью, погладил шею мерно дышащего коня. Под Орkki же
конь дрожал — нервно постукивал копытами, пока хозяин
перебирал поводья и прищуренно наблюдал за драконьей
невестой, ступавшей по рассыпанному зерну.

— Недобрый у тебя взгляд, Орkki Лис. — Тойву чуть улыбнулся из-под медно-рыжих усов. Его выдох повис прозрачной сизой дымкой. В ответ губы Орkki изогнулись, а пальцы сильнее сжали поводья.

В горле женщин, которые вели драконью невесту, ходил неземной звук. Так умели лишь горы: песня дробилась на многоголосое эхо и окутывала вершины, как мертвеца — саван. Эта песня была не то свадебная, не то поминальная, и горсти крупы медленно ложились на мерзлую землю. Тронутая инеем трава, схваченные морозом цветы и осыпавшиеся ягоды рябины — провожатые разбрасывали зерно, будто засеивая поле, которое топтала драконья невеста. Она покачивалась, словно ладья на волнах, послушно плыла по седой траве и красным ягодам, и женщины подле нее пели настолько звучно и страшно, что, не выдержав, Орkki отвернулся.

— Прогнать бы всех, — сплюнул он, поглядывая на столпившихся зевак.

К Матерь-горе уходили не за ратным подвигом. В жены отдавали не княжну, а пастушью дочь, и не славному воину, а Сармату-дракону. Тому, кто спал, заточенный в недра горы, тысячу лет и проснулся тридцать зим назад. Но люди, замкнув Божий терем в кольцо, шелестели кафтанами и юбками, платками и шапками, мехами и сукном, выпускали из ртов голубоватый пар и пытались удержать вырывающихся вперед детей. Хотя не было ни князя, ни оставшихся его дружинников — тех, что не пошли с Тойву. Князь понимал, что к Матерь-горе везут позорный откуп — мольбу о пощаде, и свои приказы отдал без лишних ушей.

Тойву поскреб подбородок.

— Народу любопытно.

Конечно, любопытно. Может, это и бесславный путь, но опасный, а в телеге лежала богатая дань. Поэтому среди идущих к Матерь-горе не нашлось бы ни слабых, ни трусливых. Можно было любоваться и юркими, жилистыми людьми Орkki Лиса, и кряжистыми воинами Тойву — да и самим княжым дружинником, похожим на молодого медведя. Тойву носил закругленную бороду и медно-рыжие волосы до лопаток, смотрел спокойно и рассудительно льдистыми голубыми глазами. В росте — дуб, в плечах — косая сажень.

У Орkki глаза были лисьи, карие. Хитроумные. И напоминал он не дуб, а гибкий тис.

Черногородцам хотелось посмотреть не только на спрятанную под покрывалом драконью невесту. У воительницы Совьон, высокой и крепкой, носящей кольчугу и шлем, на плече сидел прирученный ворон, а на правой скуле синел шаманский полумесяц. Высокогорница Та Ёхо, чье племя жило в юртах на острых вершинах Княжьих гор, считала Черногород такой же нишей, как и Пустошь. И даже горы для нее были не Князьи, а Айхаютам, Хребет Зверя.

Едва драконью невесту посадили в повозку, конь Орkki заржал и выпустил из ноздрей горячие струи воздуха.

— Велишь ехать?

— Велю, — кивнул Тойву. — Ну, с миром!..

Не будет никакого мира, чувствовал Орkki. Серая птица, пролетающая над Божьим теремом, рухнула в мерзлую траву, и над ней взмыла перепуганная черная стая. В толпе жалобно провыл колченогий белый пес. Провожатые драконьей невесты закончили свои песни отчаянными рыданиями и, вцепившись ногтями в лица, оставили на щеках кровавые бороздки царапин. А затем рухнули на замерзшую рябину и рассыпанное зерно, запустив пальцы в холодную землю.

Орkki Лис вновь сплюнул и натянул поводья.

Черногород, окруженный пиками скал, стоял на мягком черноземе в устье трех рек. Запад Княжьих гор — колыбель династии Маричей, правивших хоть и небольшими, но плодородными угодьями от южного Ядвириногo щита до Мглистого полога на северо-востоке. Не успел город скрыться из виду, как Совьон, стегнув одноглазого вороного коня, поравнялась с Тойву. Орkki Лис недовольно взглянул на птицу у нее на плече.

— Как начнем спускаться с холма, увидим Шестиликий столп. — Совьон всегда говорила одинаково размеренно, словно ничто не могло вывести ее из себя. — Вёльхи поставили его в память о шести князях, высланных в Белую яму. Разрешите девушке просить у него защиты.

Орkki ощерился.

— Потеряем время, а оно нам дорого. Неизвестно, обойдется ли без обвалов.

Ворон на плече каркнул. Совьон, продолжая смотреть на хранившего молчание Тойву, обронила:

— И не стыдно тебе, Орkki Лис? Девушка сюда не вернется.

Да, не вернется. Никто не возвращался. Рабы, слуги, невесты — по рассказам, они жили у Сармата не больше года. Дураки-шаманы верили, что они кончали с собой из-за проклятия Матерь-горы. Или их убивали каменные воины, про которых говорили сумасшедшие беженцы из сожженных деревень. А Орkki, как и все здравомыслящие люди, понимал, что в этом вина одной только чешуйчатой твари.

Просить защиты? Зачем? Ничто не защитит сокровища от Сармата. Девка, наверное, надеялась поразить ящера храбростью и красотой, но каких красавиц ни отдавали княжества за последние тридцать лет — все погибли. Если черногородская невеста и была чудо как хороша, то Орkki этого не знал. Он не видел ее лица.

Не стыдно ли ему? Лисьи глаза налились кровью. Совьон младше его, к тому же баба, а смотрела мимо и говорила так, что подобное Орkki спустил бы лишь Тойву. Язык мгновенно присох к небу. Но, хвала богам, Орkki Лис был хитер и осторожен, а не скор на расправу.

Прочистив горло, он обратился к предводителю.

— Неоправданная остановка, и мало того что пустая трата времени. Девка наверняка захочет бежать.

Тойву резко качнул головой и возразил:

— Эта не сбежит. — Ворон на плече Совьон каркнул дважды.

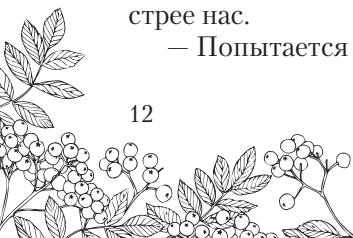
— Не успели тронуться, а уже останавливаемся. Плохая примета.

— Примета! — Воительница подняла к небу глаза — синие, как полумесяц на скуле. — А я думала, что я суеверна, Орkki Лис.

Тойву взмахнул ладонью.

— Телеги останавливать не будем, — сказал он Совьон, — но раз женщины считают столп оберегом, я не могу лишить девушку его защиты. Возьми ее к себе на коня и поезжай быстрее нас.

— Попытается улизнуть...

Тойву повернулся и смерил Оркки тяжелым, многозначительным взглядом.

— Не попытается.

Раз Тойву решил, значит, никакой опасности не грозило. Но Совьон он отпустил, только когда смог самолично разглядеть Шестиликий столп, а Оркки, не доверяя, двинулся следом за воительницей. И увидел, как из повозки выглянула драконья невеста, — лиловое покрывало соскользнуло ей на плечи.

Оркки не назвал бы ее красивой. Чересчур полная, с темно-русыми волосами, заплетенными в две переброшенные на грудь косицы. Местами на щеках, шее и пальцах ее белая кожа потрескалась и пошла розово-красной коростой — от мороза. Но все это Оркки заметил потом. Сначала были молочного цвета глаза. Без зрачков и прожилок, заволоженные мутноватой кипенной дымкой.

Бельма.

Сердце Оркки Лиса болезненно сжалось. Он не помнил, как, ударив коня пятками, воротился к Тойву, как потемнел от гнева, скривился от ужаса и хотел было взречься, словно дикий зверь. Но многолетняя выдержка не позволила ему этого сделать — люди бы встревожились. Он рванул поводья, приблизился к лицу Тойву и зашипел, брызжа слюной:

— Слепая! Мы, дери тебя твари небесные, везем Сармату слепую! — Он чудом не сгреб его за шкуру. Но сейчас Тойву не его друг, а глава отряда, и дело бы не кончилось обычной дракой. — Бельмяноглазую невесту, калеку, которая... Как ты допустил такое?

Он мог бы догадаться, что девушка не была так проста. Мог бы, но Тойву, продолжая смотреть рассудительно и спокойно, не торопился оправдываться и тем привел его в настоящее бешенство.

Оркки Лис захохотал свистяще, горлом.

— Птицы, собаки, женщины... За кем я только сегодня ни наблюдал. А у нас в телеге слепая, которую мы отдадим Сармату, не успеет начаться зима. Дракон ничего от нас не оставит, ничего, всех перемотет, всех сожжет. — Смех его стал страшен и тих, и слышал его один Тойву. — Да помилуют нас боги. Их щедростью Сармат сам окажется слепым — или простит такой плевок в свою сторону.

Но казнил он и за меньшее.

— Ты закончил? — Тойву откашлялся. — Ее счастье, что она слепа. В чертогах Матерь-горы весь свет из Сарматовой глотки.

— Плевать мне на ее счастье. Я еду не ради девок, а ради Черногорода. — Чтобы не сорваться на рык, Оркки закусил костяшки пальцев. — Значит, слушай. Скажу своим молодцам, и они умыкнут чью-нибудь смазливую дочурку из первой захолустной деревушки, и...

— Не смей, — прочеканил Тойву. И добавил беззлобно, но решительно: — Если поступишь по-своему, убью.

Над ними распростерлось бесконечно высокое небо, перетянутое нитями облаков. Позади — Черногород, впереди — долгие мили опасного, долгого пути. Но тяжесть отвалила от души Оркки, и, засмеявшись, мужчина погладил остроконечную пшеничную бородку. Он знал, что делать, хотя убедил Тойву в обратном.

— Поглядите-ка, — по-медвежьи проворчал предводитель. — Смешно ему. Ничего и знать не знает, а смеется.

«Не убьешь ты меня, Тойву, — подумал Оркки Лис. — Все Княжьи горы за твоей спиной переверну, а не убьешь».

Две женщины скакали на одноглазом коне к легендарному Шестиликому столпу, и ворон кружил над их головами.

Рацлава поняла, что в Божьем тереме ее опоили маковым молоком, — чтобы не начала вырываться и рыдать. Свое тело она ощущала смутно, будто чужое, и все запахи и звуки текли мимо нее так медленно, что, казалось, она могла задержать их между пальцев. Шестиликий столп пах смолой и железом, тонкими цветами, проросшими сквозь древесную кору. Горячее сердце в груди вороньей женщины стучало в такт птичьему крику. Конь рыхлил землю, отдающую талой водой и хрупкими пожухлыми листьями, готовыми рассыпаться в руках.

Пальцы Рацлавы скользили по шершавому столпу, обводили вырезанные лица шести княжон: щеки, губы, кольца кос, выпуклые глаза. Поглаживали расщелины, из которых вились цветы, и осторожно сбивали налет инея.

— Ты знаешь эту историю? — ровно спросила воронья женщина. Затылком Рацлава ощущала ее тяжелый взгляд, похожий на нависший над ней боевой молот. Она бы никогда от нее не сбежала. И никакая сила не смогла бы ее выкрасть. Драконья невеста, Сарматово сокровище — Рацлава — не знала, что с холмового спуска Шестиликий столп виден как на ладони. Случись что, предводитель, хитрый человек и их люди метнулись бы к девушке быстрее ветра.

— Шесть сестер-княжон, рожденные одной матерью от разных отцов, убили своих нежеланных женихов в ночь после свадебного пира. За это их выслали из Черногорода и заживо закопали в Белой яме. — Голос Рацлавы даже не дрогнул — из-за макового молока. — А княгиня поседела от горя и стала первой вѣльхой-колдуньей.

Вѣльхи знали травы и зелья, крали младенцев и гадали на костях, жили триста зим на глухих отшибах. Когда они умирали, люди закапывали их подальше от деревень и рек, а сердца отдавали зверям. Колдовства вѣльхи боялись не только такие суеверные воины, как Оркки Лис. Все верили, что, если вѣльха дотронется до оружия, следующий бой станет последним.

— Верно, — согласилась за ее спиной воронья женщина. Позже она назовет свое имя. А еще позже Рацлаве расскажут, что история Совьон давно обросла легендами. Никто не знал, откуда она пришла и зачем, лишь как-то вечером появилась в Медвежьем зале и положила свой меч под ноги черногородскому князю. Неизвестно, что было дальше. Одни говорили, ее заставили сразиться с огромным горным медведем, похожим на того, что скалился со знамен Маричей. Другие — ей велели дать бой дружинникам, и Совьон одолела всех, кроме княжьего любимца Тойву.

— Нам следует поторопиться.

Рацлава выдохнула и отвернулась от Шестиликого столпа. Потерла покрасневшие от мороза костяшки пальцев и закуталась в мягкое покрывало — она никогда не касалась такой дорогой ткани. И у нее никогда не было таких пла-

